

Мне представляется, что данные К. Мэттхайссен и А. Шварц согласуются с результатами, полученными в данной статье. Два российских научных центра, попавших в поле зрения этих исследовательниц, имеют тот же научный «профиль», что и страна в целом (по нашим данным). Тот факт, что из всех научных городов Европейской части России только Москва попала в суперлигу, а Санкт-Петербург во вторую лигу, свидетельствует о диспропорциях в развитии отечественной науки. В то же время нельзя не порадоваться высокой положительной динамике научной продуктивности этих центров (однако не следует забывать, что исследование цитируемых авторов ограничивается 1998 г.).

Для успешного развития науки большое значение имеет правильное установление ее пропорций, в том числе и пропорций между различными дисциплинами и регионами страны. Представление о дисциплинарном научном профиле страны и отдельных ее регионов может оказаться полезным при принятии различных организационных решений в области научной политики.

П. ДЖОЗЕФСОН, О. С. ШЕВЧЕНКО, Ю. Н. РАНИЮК

ЕЩЕ РАЗ ОБ «АНТИСОВЕТСКОЙ ЗАБАСТОВКЕ» ХАРЬКОВСКИХ ФИЗИКОВ

В 2008 г. исполняется 80 лет со дня основания Украинского физико-технического института (УФТИ) и 100 лет со дня рождения Льва Давидовича Ландау, одного из крупнейших физиков XX столетия, Нобелевского лауреата. Ландау работал начальником теоретического отдела УФТИ с 1932 по 1936 гг., и хотя срок это небольшой, значительных событий в его жизни произошло немало. Биография Ландау (в том числе и харьковский период его жизни) хорошо известна. Однако некоторые ее моменты нуждаются в дополнительном исследовании. В данной статье предпринята попытка на основе новых архивных материалов еще раз вернуться к истории «антисоветской забастовки» харьковских физиков и ее трагическим последствиям.

В 1929 г. в Харькове еще до официального открытия УФТИ, которое состоялось осенью 1930 г., была проведена первая Всесоюзная теоретическая конференция, в 1931 г. – вторая. Активным участником обеих мероприятий был Ландау. Третья теоретическая конференция состоялась в 1934 г. уже под его руководством в ранге начальника теоретического отдела института. Почетным гостем и участником конференции был Нильс Бор.

В конце лета 1931 г. Ландау появился в УФТИ, чтобы остаться там работать. Вот что написала об этом жена Кирилла Синельникова Эдна Купер в своем письме сестре в Англию 11 сентября 1931 г.:

Сегодня вечером мы идем к Обреимову на кофе на встречу с русским, который только что возвратился из Кембриджа. Я очень хочу увидеть этого русского по имени Ландау, ибо он имеет привычку думать вслух об отношениях между мужем и женой – действительно ли они любят друг друга, или только один из них, и если так, то кто, почему и так далее. Аня Капица указала ему на дверь¹.

В то время Ландау было 23 года, но он уже был известен как выдающийся физик-теоретик. Особенно высоко Ландау ценил Бора, относивший его к числу своих лучших учеников, а Ландау считал Бора своим учителем. В Харькове Ландау занял вакантные должности начальника теоретического отдела УФТИ и заведующего кафедрой теоретической физики физико-механического факультета Харьковского механико-машиностроительного института, оставленные ему Д. Д. Иваненко, его другом по Ленинградскому университету и предшественником по Харькову.

Чем же стал Харьков для Ландау? В этом городе было положено начало созданию теоретической школы Ландау и курса теоретической физики Лан-

¹ I married a Russian. Letters from Kharkov / Ed. by Lucie Street. London, 1944. P. 162.

дау и Лифшица. Здесь Ландау познакомился со своей будущей женой студенткой химического факультета Харьковского университета Конкордией Терентьевной Дробанцевой, которая после окончания вуза работала на кондитерской фабрике (бывшей шоколадной фабрике Жоржа Бормана).

С воспоминаниями о «друге и учителе» на протяжении всей своей жизни устно и в печати выступал один из первых аспирантов и последователей Ландау Александр Ильич Ахиезер. В 1995 г. один из авторов этой статьи (Ю. Раниук) по поручению Американского института истории физики взял у него интервью, в настоящее время хранящееся в библиотеке им. Нильса Бора этого института ². Кроме того, имели место регулярные встречи и беседы с Ахиезером, особенно в последние годы его жизни, которые в основном касались довоенной истории института. К этому времени собеседник Александра Ильича успел ознакомиться со многими архивными документами, касающимися истории УФТИ (архивы бывшего НКВД), и стал замечать неточности в его рассказах. Однако всякие попытки затеять дискуссию или что-то подкорректировать академик гневно пресекал. Ссылка на архивы не производила на него никакого впечатления. Может быть, и неэтично продолжать эти дискуссии в отсутствие оппонента, однако сделать это побуждает одно обстоятельство: в своих мемуарах современники Ландау слишком просто излагают события того периода. А именно: ректор Харьковского университета Алексей Иванович Нефоросный, не имея на то достаточных оснований, решил уволить из университета талантливого профессора. Одна из причин увольнения – донос декана физико-математического факультета Андрея Владимировича Желеховского на Ландау, что он-де идеалист и не признает закона сохранения энергии. Примитивная и, самое главное, несправедливая характеристика декана и ректора в воспоминаниях мемуаристов во многом и побудила нас попытаться осветить «дела давно минувших дней» как можно ближе к истине. Не последнюю здесь роль сыграло обнаружение интересных и важных архивных документов Харьковского городского комитета партии за 1936 г., касающихся Харьковского университета.

3 декабря 1934 г. ректором Харьковского университета был назначен А. И. Нефоросный ³ – опытный партийный работник. Следует отметить, что Харьковский университет к этому времени неоднократно подвергался критике и чисткам. Так, в решении бюро горкома партии от 26 октября 1934 г. было отмечено, что в университете много антисоветских элементов, назван ряд имен «великодержавных шовинистов», «крупных националистов», «троцкистов», «примиренцев с националистами». Именно поэтому партийные органы и направили Нефоросного в университет для укрепления руководства и исправления положения. Юрист по образованию, он прошел большую школу организаторской работы в советских и партийных органах. В 1933 г. и первой половине 1934 г. он возглавлял отдел культуры и пропаганды Харьковского горкома партии и, следовательно, знал, что представляет собой УФТИ, где дире-

² Oral history interviews with Alexandr Akhiezer. American Institute of Physics. Center for History of Physics. Niels Bohr Library. One Physics Ellipse, College Park, MD 20740 USA. Contributors Ranyuk Yuri, interviewer. AIP-ICOS. / Web site, www.aip.org/icos and search under «Ranyuk».

³ Воробйов В. Ви знаєте, якою він був людиною? Правда про Олексія Нефоросного // Харківський університет. 1994. № 4, 5, 8, 9.

котором был Александр Ильич Лейпунский, тоже член горкома. Очевидно, Нефоросный и Лейпунский были хорошо знакомы и обсуждали проблемы университета. Именно это знакомство подтолкнуло Нефоросного пригласить в университет Льва Давидовича Ландау и Льва Васильевича Шубникова ⁴.

Таким образом, наиболее выдающихся харьковских ученых Ландау и Шубникова пригласил работать в университет именно Нефоросный. 1 сентября 1935 г. Лев Давидович был зачислен преподавателем на кафедру теоретической физики Харьковского университета, заведующим которой в 1935–1940 гг. был Лазарь Моисеевич Пятигорский. В октябре того же года Ландау возглавил здесь кафедру экспериментальной физики, которую под давлением ректора университета Нефоросного вынужден был ему «уступить» декан факультета Желеховский. Парадоксально, но факт: профессор Ландау работал преподавателем на кафедре теоретической физики, заведующим которой был его аспирант Пятигорский, не имевший никакой ученой степени ⁵.

Можно себе представить контраст между блестящим, модно одетым, только что приехавшим из-за границы молодым профессором и студентами-переростками, в большинстве своем попавшими в университет или институт благодаря своему пролетарско-крестьянскому происхождению по путевкам райкомов и других советских организаций после окончания ликбезов или рабфаков. Четверть из них по возрасту были старше Ландау.

Отношения между студентами и профессором были сложными. Так было в Механико-машиностроительном институте, так стало и в университете. Профессор по адресу студентов употреблял не очень педагогические эпитеты. Они, в свою очередь, не оставались в долгу и демонстративно называли его между собой «Левком Дурковичем». Без особых церемоний профессор мог поставить студентам на экзамене 50% двоек, а они без зазрения совести писали на него жалобы в партийный и комсомольский комитеты университета, в депутатскую группу. Началось накопление «компромата» на профессора в виде жалоб студентов.

Чтобы проиллюстрировать, как реагировал на сложившуюся ситуацию Ландау, приведем обширную выдержку из письма Василия Климентьевича Совайленко своему другу по Харьковскому университету Владимиру Соломоновичу Когану от 12 декабря 2002 г. ⁶:

Однажды Л. Д. Ландау зашел к нам в физическую аудиторию и сказал: «Говорят, что на Вашем курсе находится профорг факультета». Раздались голоса: «Вася! Давай!» Мы с Ландау вышли в препараторскую, и он обратился ко мне с просьбой: «Помогите нам ликвидировать итальянскую забастовку студентов». Я был удивлен, что сам Ландау обращается к рядовому студенту за помощью. Я ответил: «Если Вы обращаетесь за помощью, то, естественно, я помогу, что в моих силах. Но что Вы понимаете под “итальянской забастовкой”?» Ландау сказал: «Студенты демонстративно не идут сдавать экзамены». Я ответил: «В этом большая вина молодых преподавателей. Из первого курса первыми пошли сдавать 10 отличников. Это серьезные и знающие

⁴ Воробьев В. В. Лев Ландау и «антисоветская забастовка физиков» // ВИЕТ. 1999. № 4. С. 92–101.

⁵ Ранюк Ю. Н. Ландау Л. Д. и Л. М. Пятигорский // ВИЕТ. 1999. № 4. С. 79–91.

⁶ Письмо хранится у В.С. Когана

предмет студенты, но их всех отправили как не знающих предмета. Некоторые преподаватели спрашивают не знание предмета, а то, сколько раз студент уже приходил сдавать предмет. И назвал, что Еся Щукин ходил сдавать теоретическую механику 14 раз».

Ландау вздохнул и ответил: «Да, наши преподаватели молодые, знающие люди, а педагогике учатся вот теперь. Мы уже учли свои недостатки, повторять не будем, и помогите нам убедить студентов, что все недостатки уже преодолены».

Я возвратился в физ. аудиторию, доложил о разговоре и объявил, что завтра в 16-00 в УФТИ будут экзамены. Поднимите руки, кто пойдет на экзамен. Поднял руку только Саша Федоров. Он сдал экзамен на «хорошо», и тогда пошли все остальные студенты. Студенты, жившие в общежитии, писали жалобы в Министерство просвещения Украины. Эти письма были отправлены в ректорат и рассматривались на Ученом совете.

Все, выступавшие на совете, критиковали Ландау. От студентов на совете был только Митя Стельмах (он из курса Веркина). Стельмах заявил, что хотя имелись недостатки в проведении экзаменов, но студенты просят оставить в университете Ландау и всех его преподавателей. Когда же Стельмах приехал в общежитие, то стихийно возникло собрание студентов, зло критиковавших Митю, но он не отступал, а призывал смотреть вперед, и с ним фактически большинство согласилось.

На Ученом совете с краткой речью выступил Ландау, когда ректор Нефоросный предоставил ему слово. Он, обращаясь к Нефоросному, сказал: «Ты мене спородыв, ти мене й убий».

О Ландау еще надо отметить два эпизода. Студенты из общежитий всегда ездили на занятия трамваем по улице Пушкинской. Ландау же всегда шел быстро пешком в красном кожаном пальто с раскрытыми полами. Часто, выходя из трамвая, мы встречали Ландау и спрашивали: «Почему Вы не хотите ехать трамваем?» Он отвечал: «Могу ли я доверить свою жизнь безответственной кондукторше?» И когда произошла катастрофа с автомобилем, в котором он ехал, то было непонятно, почему так случилось.

Однажды под Новый год в университетском клубе проходил бал-маскарад. К концу бала уже все участники были разгаданы, только один участник, окутанный в легкое байковое одеяло, оказался неразгаданным. Никто не мог допустить, что им окажется Ландау.

Ахиезер никогда не упускал возможности рассказать о своей первой встрече с Ландау, которая состоялась в рабочем кабинете Льва Давидовича в главном корпусе УФТИ.

Толком не зная, что представляет собой Ландау, я смело двинулся в бой. В кабинет Ландау, находившийся на третьем этаже, меня проводил А. К. Вальтер, бывший тогда, помимо всего прочего, ученым секретарем института, и, открыв дверь в его кабинете, бросил меня в «объятия Льва». Я заметил лишь подвешенного к лампе большого зеленого резинового крокодила и восседавшего на диване хорошо одетого, с красным галстуком, Ландау, ноги которого находились на письменном столе ⁷.

Приходится только удивляться, что среди массы комсомольских выдвиженцев и общественных активистов попадались и будущие физики. Ландау успел

⁷ Oral history interviews with Alexandr Akhiezer...

прочитать лекции на последнем курсе первого выпуска физико-механического факультета (1932), из которого выбрал двух первых аспирантов. Это были Евгений Михайлович Лифшиц (будущий академик АН СССР) и Александр Соломонович Компанец.

Лев Давидович не очень жаловал философские авторитеты и требования марксистской философии. В присутствии «воинствующих материалистов» он позволял себе на семинарах и конференциях характеризовать материализм как «вредное для науки схоластическое учение»⁸.

Он мог себе позволить перед студентами высказывать и такие свои мысли, как «теоретическая физика – занятие не для славян» (со слов Екатерины Паниной – студентки, слушавшей лекции Ландау в Механико-машиностроительном институте). Немедленно на него нацепили ярлыки «идеалиста» и «троцкиста», и в партийные комитеты начал поступать второй вал уже более серьезных сигналов.

Самыми опасными, конечно, были доносы, которые поступали в НКВД. Можно утверждать, что к моменту зачисления Ландау и Шубникова на работу в университет никакого «хвоста» за ними еще не было, ибо Нефоросный, имевший обширные связи не только в партийных органах, но и в НКВД, знал бы об этом и не рискнул бы взять их на работу. Шубников вообще был признан лучшим ударником социалистического соревнования УФТИ по итогам 1934 г.

Однако в 1935 г. в связи с привлечением УФТИ к работам по оборонной тематике, а также со сменой директора (вместо академика Лейпунского им стал никому не известный Семен Давидович) в институте начались внутренние конфликты, которые привлекли к себе внимание НКВД. На заседании 14 октября 1935 г. Харьковский областной комитет КП(б)У принял постановление о необходимости чистки УФТИ от классово враждебных и контрреволюционных элементов.

5 декабря 1935 г. на допросе в качестве свидетеля по делу арестованного ближайшего сотрудника Ландау Кореца на вопрос следователя, «что вам известно о контрреволюционной деятельности Кореца и его связях», Пятигорский ответил: «Мне известно, что в нашем институте существовала антисоветская группировка, в состав которой входили Корец, Ландау, Шубников». Таким образом уже осенью 1935 г. Ландау и Шубников разрабатывались НКВД как классово враждебные и контрреволюционные элементы⁹.

Наступил 1936 г. – год московских показательных процессов. Обстановка в университете была напряженной, и эту напряженность усиливала всеобщая истерия, связанная с поисками врагов народа. 20 августа 1936 г. на общегородском партийном активе секретарь горкома КП(б)У Демченко говорил:

Этот процесс (в Москве как раз судили Зиновьева, Каменева и др.) должен поставить перед нами задачу, чтобы ни один враг не остался на наших предприятиях, заводах. Каждый честный коммунист, работник нашей великой страны обязан приложить все усилия к тому, чтобы этих врагов разоблачить, посадить на скамью подсудимых...¹⁰

⁸ Воробьев. Лев Ландау и «антисоветская забастовка физиков»... С. 97.

⁹ Павленко Ю. В., Ранюк Ю. Н., Храмов Ю. А. «Дело» УФТИ (1935–1938). Киев, 1998. С. 180.

¹⁰ Цит. по: Воробьев. Лев Ландау и «антисоветская забастовка физиков»... С. 98.

Нефоросный, как партийный и государственный деятель высокого ранга, после очередной «накачки» в обкоме ясно понял, какие последствия для его судьбы будет иметь разоблачение троцкистов в университете, и решил предложить Ландау уйти из университета. Чтобы лучше оценить и понять позицию Нефоросного, процитируем отрывок из книги друга Ландау и его коллеги по УФТИ Александра Семеновича (Соломоновича) Вайсберга, оказавшегося в подобной ситуации:

Известие о моем скором отъезде разнеслось по институту. Пришлось принимать и отдавать большое количество прощальных визитов. Только близким людям я давал понять, что мой отъезд не является добровольным. Фриц Ланге был единственным, кто хотел убедить меня остаться. «Я понимаю, ты не хочешь, а скорее всего, не можешь оставаться в Харькове. Но ты ведь можешь уехать на Дальний Восток. Такие, как ты, люди нужны в Сибири, как хлеб насущный. Там оценят твою инициативу и ты будешь в безопасности от всяких преследований».

Я только посмеивался его наивности. Не думает ли он, что ГПУ туда не дотянется?

Но сейчас, когда я пишу эти строки, я должен признать, что Ланге был прав. Очень многим людям удалось уберечься от преследований и ареста путем прямого переселения на Дальний Восток или в Заполярье. Этому были свои причины: с одной стороны, страна нуждалась в высококвалифицированных работниках на своих далеких окраинах, которых люди избегали из-за страшного климата. Поэтому эти территории всегда отличались своим либерализмом; даже люди, приехавшие туда добровольно, воспринимались там как ссыльные, которых уже не надо преследовать. С другой стороны, каждая область в Советском Союзе имела свое собственное управление НКВД. Руководство харьковского НКВД было обязано в своей собственной области разоблачить и обезвредить как можно больше врагов народа. И не было никакой заинтересованности в том, чтобы снабжать руководство, например Новосибирского ГПУ, врагами народа. Аресты в Новосибирске засчитывались тамошнему ГПУ, попадали в тамошнюю статистику и помогали выполнению тамошнего плана по заключенным. Если человек, которому угрожал арест, менял свое место жительства, но переезжал на расстояние однодневной поездки, харьковское ГПУ могло его возвратить, заявив, что тот принадлежит к группе, следствие по делу которой ведется в Харькове. Но если это был единственный «враг народа», который подался на Дальний Восток, его возвращение было связано с большими расходами. В таких случаях харьковское ГПУ отказывалось от арестов, ибо не хотело работать на других.

Все это я понял много позже. Но советский народ ощутил это инстинктивно; я только не могу понять, как до этого додумался Фриц Ланге ¹¹.

А вот соображения на ту же тему другого друга Ландау по ХФТИ Фридриха Хоутерманса:

Некоторым людям удавалось избежать ареста благодаря «умению ориентироваться». Один известный преподаватель рассказывал, что его друзья, среди которых были опытные коммунисты, советовали ему во время чистки изображать из себя алкоголика и время от времени читать лекции якобы в состоянии опьянения. Это спасло его от первой чистки специалистов в начале тридцатых.

¹¹ Weissberg, A. *The Accused*. New York: Simon and Schuster, 1951. P. 80–81.

Другим популярным приемом была частая перемена работы и места жительства. Всегда требовалось некоторое время, от шести месяцев до года, чтобы местное НКВД начало обращать внимание на нового работника на предприятии. Требовался некоторый отрезок времени для накопления нужного количества тайных доносов на него, которые назывались «материалом», и возникала неизбежная задержка с ответами на все вопросы, которые позволили бы отнести его к определенной категории, до тех пор, пока его личное дело и секретные документы будут переданы с предыдущего места работы. Все такие документы пересылаются специальным курьером НКВД, а не обычной почтой. Это означает, что пройдет немало времени, пока они достигнут места назначения, если вообще достигнут ¹².

Таким образом, у Ландау была единственная возможность уцелеть в сложившейся ситуации – уехать из Харькова как можно скорее и дальше, лучше всего на Дальний Восток. Отъезд Ландау не спас бы Нефрососного, но облегчил бы его судьбу. 25 декабря 1936 г. Нефрососный встретился с профессором в своем кабинете и между ними состоялся серьезный разговор. Свидетелей при этом разговоре, естественно, не было.

Ахиезер постоянно упоминал в своих выступлениях ситуацию, которая привела к так называемой «забастовке» ¹³. Рассказал о ней в своих мемуарах и А. К. Кикоин ¹⁴.

Вот как описывал эти события Ахиезер:

В марте 1937 года Ландау был уволен из университета. Мотивы увольнения в приказе не указаны, но, как впоследствии было выяснено, причиной увольнения была якобы имевшая место пропаганда идеализма со стороны Ландау. Ясно, что в его адрес были доносы и наветы. В знак протеста Шубников и сотрудники теоротдела Ландау, работавшие в университете, подали заявление об увольнении. Это было квалифицировано как забастовка, и вся группа была вызвана в Киев к наркому высшего образования В. П. Затонскому ¹⁵.

И дальше:

Что там у вас происходит, вот тут я знаю, что Ландау разводит идеализм у вас. А вы смотрите куда? Причем против закона сохранения энергии выступает. Тут уже, как говорится, товарищ Ахиезер, как старый чекист, понял, откуда ноги растут. Я сразу понял, кто заявление писал. Говорить сейчас не буду, потому что того в живых нет, но я понял, что к чему ¹⁶.

Александр Ильич в частных беседах неоднократно называл Желеховского, бессменного декана физико-математического факультета университета со дня его основания (1933) и до войны и первого ученого секретаря УФТИ, погибшего 9 мая 1943 г. в советской тюрьме.

¹² Beck, F., Godin, W. Russian Purge and the Extraction of Confession. London: Hurst and Blackett, 1951. P. 88.

¹³ Ахиезер А. И. Учитель и друг // Воспоминания о Л. Д. Ландау. М., 1988. С. 45–72; Ахиезер А. И. Очерки и воспоминания. Харьков, 2003. С. 36–61, 92.

¹⁴ Кикоин А.К. Как я преподавал в Харьковском университете // Воспоминания о Л. Д. Ландау. М., 1988. С. 160–164.

¹⁵ Ахиезер. Очерки и воспоминания... С. 38.

¹⁶ Там же. С. 26.

Лучше всего разобрался в истории забастовки проректор университета Виктор Васильевич Воробьев. Его статьи¹⁷ были написаны после проработки соответствующих архивов университета, обкома партии, Службы безопасности Украины (архив КГБ). Он также пытался потолковать об этой истории с Ахиезером. Разговор не получился, и, как результат, статья «Лев Ландау и «антисоветская забастовка физиков»» по настоянию Ахиезера была отклонена редколлегией журнала «Физика низких температур». Об этом с горечью и обидой рассказывал нам сам Воробьев. По его утверждению, после разговора с ректором Ландау встал и вышел, хлопнув дверью. А на допросе в Бутырской тюрьме в Москве 3 августа 1938 г. он говорил так: «Меня уволили из университета за проталкивание буржуазных идей в лекциях»¹⁸.

Почему Ландау не «хлопнул дверью» и не уехал раньше, скажем, в Москву, куда Капица его давно приглашал? На наш взгляд, причина одна – он не хотел оставить своих сотрудников, хотя через две недели ему все равно пришлось это сделать.

Новый 1937 г. друзья встречали в доме Лифшица на Сумской улице. Были Ландау, Померанчук, Ахиезер, Левин, Кикоин, Компанеец, Шубников, Горский. Минут за пять до того момента, когда положено произносить тост, Лифшиц задал всем присутствующим такой вопрос: «По какому принципу собраны приглашенные?» И сам объяснил: «Здесь собраны те, кто участвовал в забастовке или мог бы участвовать, если бы обстоятельства сложились иначе»¹⁹ (Левин и Компанеец в ней не участвовали, поскольку не работали в университете). Друзья были в приподнятом настроении. События предыдущих дней они восприняли как свою победу. А утром была получена «молния» из Киева из Наркомата просвещения: «Немедленно приехать». Их ожидал сам нарком В. П. Затонский. После беседы он, как утверждает Ахиезер, пожелал им «спокойно работать».

Но машина набрала такие обороты, что ни ректор, ни нарком уже не могли ее остановить. Все «забастовщики» приказом врио ректора (Гуревича) 5 января 1937 г. были уволены из университета «за сознательный срыв занятий». Позже формулировка была заменена, и они были уволены «по собственному желанию». Затея с «забастовкой» была очень опрометчивой. Молодые люди, включая Ландау, похоже, слабо представляли себе, в какой стране живут.

15 января 1937 г. состоялось заседание бюро Харьковского городского комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины. Повестка дня «О работе парторганизации Харьковского Госуниверситета». Архивные документы этого заседания помечены грифом «Совершенно секретно». Это заседание было началом восхождения на эшафот Нефоросного, Шубникова, Горского.

Среди всех прочих документов наше внимание привлекла докладная записка, поданная на имя партийного руководства Украины, области и города Харькова и подписанная секретарем парткома университета Кравченко. Мы приводим здесь только ту ее часть, которая касается физики:

¹⁷ Воробйов В. Ви знаєте, якою він був людиною?..; Воробьев. Лев Ландау и «антисоветская забастовка физиков»... С. 92–101.

¹⁸ Там же. С. 98.

¹⁹ Кикоин. Как я преподавал в Харьковском университете... С. 63.

Совершенно секретно

Протокол

Заседания Бюро ХК КП(б)У 15.1.1937 г.

Секретарю ЦК КП(б)У – тов. ПОСТИШЕВУ

Отдел школ и науки т. КОПИЛЕВИЧУ

Секретарю харьковского горкома и райкома Тов. КУДРЯВЦЕВУ

Секретарю горкома тов. БОНДАРЕНКО

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Харьковский государственный университет с 1932–33 гг. становится, по существу, наиболее мощным гнездом контрреволюции, как с точки зрения идеологических, так и организационных выступлений самых, что ни на есть, маховых контрреволюционеров – троцкистов, правых, украинских националистов и всякого другого отребья контрреволюции (БЛУДОВ²⁰, БРОН, ИГНАТЮК, ХОМЕНКО, СТЕПОВОЙ, ГУРЕВИЧ²¹ и т. д.)

<...>

III. Наиболее сильное распространение контрреволюционных теорий и влияние на студенчество ХГУ было на физико-математическом факультете. Это подтверждается тем фактом, что в марте 1936 года было арестовано за контрреволюционную деятельность 11 человек студентов, а в августе 7 человек.

На физ. мат. факультете распространение и протаскивание контрреволюционных идей и сейчас ведется открыто со стороны преподавателей физики (КОРЕЦ, ЛИФШИЦ, ЛАНДАУ и т. д.)

Они заявляют, что философия диалектического материализма не есть наука, что между философией и физикой нет никакой связи, потому что физика наука, а философия не наука, ибо она со времен Маркса не развивалась. «Философия ерунда».

По моему упорному настоянию перед ректором за протаскивание этих теорий вынуждены были уволить одного из пропагандировавших эти теории КОРЕЦА, хотя сначала считали ненужным увольнять. После неоднократных напоминаний НЕФОРОСНЫЙ решился уволить КОРЕЦА, упросив последнего, чтобы он подал заявление о добровольном уходе из университета. Все знают, что КОРЕЦ является учеником ЛАНДАУ и не в меньшей мере ШУБНИКОВА, поэтому распространял контрреволюционные идеи не только свои, но и ЛАНДАУ и ШУБНИКОВА.

²⁰ Блудов Яков Семенович (1897–1984) – первый ректор Харьковского университета после его восстановления 1 сентября 1933 г. Был осужден в 1934 г. на пять лет, которые отбывал в лагерях ГУЛАГа в Архангельской области; в 1939 г. освобожден с лишением прав принимать участие в выборах и запретом жить в больших городах. В 1956 г. был полностью реабилитирован и вернулся на работу в университет на должность профессора кафедры философии.

²¹ Л. И. Гуревич – заведующий кафедрой педагогики. В 1937–1938 гг. был исполняющим обязанности ректора университета после Нефоросного. Это он подписал приказ об удовлетворении просьбы Ландау об увольнении из университета.

Полтора года работает на физ. мат. факультете эта группа, за это время настолько развалила факультет, что сейчас для исправления потребуется применить кардинальные меры для его перестройки. Эта группа, на мой взгляд, совершенно уже оформилась в антисоветскую группу. Она внешне подделывается под ту форму, что как будто бы проводит в жизнь постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, заявляя дословно, что регрессивные силы ей мешают, тормозят проводить в жизнь постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Кроме вышеуказанных фактов протаскивания фашистско-троцкистской контрбанды в теории, ЛАНДАУ и ШУБНИКОВ пропагандируют фашистские расовые теории, а именно, они заявляют, что «физиками могут быть люди особой породы, с детства одаренные физическим талантом», и, обращаясь к студентам физ. мат. факультета, заявляют, что «из всех вас если и закончат университет 15% (физическое отделение), то это будет хорошо, остальные должны будут отсеяться».

Эта группа (ЛАНДАУ, ШУБНИКОВ, ЛИФШИЦ, КОРЕЦ) называет студентов дураками, идиотами, и т. д. и т. п.

Если же к одному из них за контрреволюционную пропаганду будут предприняты какие-либо оргвыводы, то вся эта группа организованно объявляет забастовку, саботаж и т. д. Так было неоднократно в УФТИ, в Машиностроительном институте, так теперь есть в Харьковском государственном университете.

За то, что ректор потребовал от Ландау немедленно перестроиться в идеологическом отношении и раскритиковать свои ошибки, ЛАНДАУ, отказавшись от этого, организовал под руководством ШУБНИКОВА забастовку всей группы в количестве 7 человек с той целью, чтобы окончательно дезорганизовать работу физ.-мат. факультета.

Физ.-мат. факультет в данное время почти развален, ряд дисциплин, которые читали ШУБНИКОВ, ГОРСКИЙ и другие, почти полностью сорваны, например: ШУБНИКОВ из 17 лекций по текущей литературе прочел только 6, по курсу магнетизма и проводимости из 20 лекций прочел только одну. ГОРСКИЙ по курсу рентгенанализа сорвал 15 лекций. Не в лучшем положении находится выполнение учебной программы и по другим дисциплинам, которые читают представители этой компании. ЛАНДАУ и его приспешники при чтении лекций и в руководстве курсом все время игнорируют постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома. ЛАНДАУ отбросил учебную программу, утвержденную по экспериментальной физике Наркомпросом, и проводит курс по своей программе, которая была не утверждена Наркомпросом как извращающая постановление воспитания и преподавания в Госуниверситете, особенно на специальном физическом отделении.

Интересно отметить, что Ландау прочел весь раздел акустики за 30 минут.

Ни ЛАНДАУ, ни Лифшиц при чтении экспериментальной физики не пользуются экспериментом. Теория абсолютно оторвана от практики. При изложении курса экспериментальной физики пользуются исключительно мелом и доской. Физическая лаборатория ими ни одного раза не посещалась и находится в таком состоянии, как в период 1900 годов, ибо средства, отпущенные на пополнение приборов и т. п. для физ. лаборатории, не израсходованы, а если частично израсходованы, то не по назначению. Таким образом, чтение физики в университете происходит так, как ни в одном вузе СССР, а если учесть то положение, что они читаются на физическом отделении, где физика для студентов является основным предметом и где квалифицируются специалисты-физики, то такое преподавание можно назвать не чем иным, как прямым вредительством. И недаром студенты заявляют, что при такой постановке учебного процесса из них физиков не выйдет и поэтому подают заявления о переводе их на другие факультеты. Кроме схоластического представления о физике, студенты ничего больше не получают.

Следует отметить, что за полтора года ни один студент 2-го курса (65 человек) до сих пор еще не сдал зачета по физике за первый курс.

Из всех кафедр физического отделения только кафедра электронных и ионных процессов заседала регулярно. Кафедра твердого тела (ШУБНИКОВ), а также кафедра экспериментальной физики (ЛАНДАУ) ни единого заседания не проводили.

На требования студентов, по каким учебникам учить физику, они заявляют, что учебников таких нет, а вот есть конспект ЛАНДАУ, по этому можно учить физику и только по этому.

Я не вдаюсь в критику конспекта ЛАНДАУ, но хотел бы, чтобы авторитетная комиссия дала рецензию на него, которая найдет, что этот конспект является самой низкой и отвратительной компиляцией. Сейчас уже известно всем, что ЛАНДАУ и его школа по существу являются самыми реакционными идеалистами, протаскивающими идеалистически-махистские взгляды, отрицающие всякие связи философии диалектического материализма с наукой – физикой, ЛАНДАУ заявляет, что определения ЭНГЕЛЬСА по вопросу физики и философии давно устарели и никакого научного значения сейчас не имеют. ЛАНДАУ, исходя из своих реакционно-идеалистических идей, пришел к тому, что стал отрицать закон сохранения энергии.

Необходимо отметить, что ЛАНДАУ за всю свою научную деятельность в области теоретической физики, а ШУБНИКОВ в области низких температур не воспитали ни единого человека в Советском Союзе, за исключением одного немца ТИССЫ, который защитил диссертацию в УФТИ в конце декабря 1936 года.

Ландау выгнал из аспирантуры комсомольца ПЯТИГОРСКОГО, которому до окончания аспирантуры в УФТИ оставалось всего 2 месяца, выгнал за то, что ПЯТИГОРСКИЙ выступил на суде спецколлегии НКВД в качестве свидетеля со стороны обвинения против контрреволюционера КОРЕЦА – друга и сподвижника ЛАНДАУ и ШУБНИКОВА. Эта группа соответственно своей идеологии и ведет себя в нашем обществе, они не подчиняются никаким порядкам организации, по любому поводу и без него устраивают забастовки, например, ЛАНДАУ, ШУБНИКОВ, ГОРСКИЙ и другие устраивали забастовку в Машиностроительном институте, пока их не выгнали. 15.12.1936 года ШУБНИКОВ устроил забастовку в УФТИ, а вся остальная плеяда ему искренне сочувствовала. Сейчас в университете они организовали забастовку (ШУБНИКОВ, ГОРСКИЙ, БРИЛЛИАНТОВ, АХИЕЗЕР, ПОМЕРАНЧУК, КИКОИН, ЛИФШИЦ). Поводом для этого послужило то, что ЛАНДАУ на предложение ректора исправить и раскритиковать свои ошибки посчитал это сделать для себя ниже своего достоинства и заявил: «не нравится вам – я могу уйти, вы меня родили, вы меня можете и убить».

Отношение этой группы к студентам часто носит издевательский характер, например, ЛАНДАУ во время экзамена одной из студенток предложил сделать вывод на доске, не проверив законченного вывода, заявил: «Уходите, Вы не знаете!» Когда студентка стала настаивать на правильности ею сделанного вывода, ЛАНДАУ стал смеяться, издеваться, ложился на стол животом и поднял ноги вверх и истерически смеялся. После настойчивого требования студентки указать, где именно ошибка, ЛАНДАУ, проверив, вынужден был признать вывод правильным. Но не в меньшей мере издевательство было над студентами и во время приема дипломных работ, поэтому некоторые студенты совершенно отказались защищать дипломные проекты.

Если Вы посмотрите на те вопросы, которые ЛАНДАУ по своей собственной инициативе, без чьего бы то ни было разрешения давал студентам 1-го и

2-го курсов с целью проверки знаний, то Вы убедитесь, насколько остервенели и до какой наглости дошли эти дворянские подонки в своем издевательстве над советской молодежью (вопросы прилагаю).

Между прочим, большинство забастовщиков – бывшие дворяне, так, например, ШУБНИКОВ – сын крупного помещика, который занимался в 1921 году контрреволюционной деятельностью в Ленинграде. Бежал за границу.

ГОРСКИЙ – бывший дворянин.

БРИЛЛИАНТОВ – бывший дворянин из попов.

КОРЕЦ – известный контрреволюционер – троцкист, судим органами НКВД.

ЛАНДАУ – сын вредителя. И т. д.

Обратите внимание на материал, мною поданный о их деятельности в УФТИ, который полнее характеризует их.

Около месяца назад мне член партии т. КОМАРОВ заявил, что ЛАНДАУ высказывал примерно такую точку зрения: что ЛЕНИН и СТАЛИН все отрицательные свои стороны приписали ТРОЦКОМУ, а от ТРОЦКОГО взяли все положительное.

Эта группа, на мой взгляд, уже существует как контрреволюционная группа, это подтверждает также собственное письмо КОРЕЦА, которое он написал своей бывшей жене (см. письмо КОРЕЦА).

Исходя из вышеизложенных фактов, считаю, что допускать эту группу читать лекции и воспитывать советскую молодежь в вузах ни при каких условиях нельзя, тем более в университете. Все они могут быть заменены безболезненно другими преподавателями, значительно лучшими.

Кравченко (секретарь парткома) ²²

С 17 марта 1937 г. Ландау уже живет и работает в Москве, где заведует теоретическим отделом Института физических проблем АН СССР. Позднее он – профессор Московского университета (в 1943–1947 гг. и с 1965 г.) и Московского физико-технического института (1947–1950).

27 апреля 1938 г. Ландау был арестован и обвинен в том, что он является активным участником харьковской антисоветской вредительской организации, проводил подрывную работу в науке. По ходатайству выдающихся отечественных (в частности, Капицы) и зарубежных (Бор) ученых 28 апреля 1939 г. был освобожден.

Ландау – единственный из уфтинцев, кто получил высокую государственную награду за участие в разработке ядерного оружия, а именно: Золотую звезду и звание Героя Социалистического Труда. Активное участие в реализации Советского атомного проекта приняли его харьковские аспиранты – Померанчук, Компанеец, Ахизер, Шпинель.

Умер Лев Давидович 1 апреля 1968 г. вследствие травм, полученных в автомобильной аварии.

Трагической оказалась судьба активистов забастовки.

Лев Шубников был арестован 6 августа 1937 г. и расстрелян 10 ноября того же года по обвинению в шпионаже, диверсиях, вредительстве.

²² Харьковский областной архив. Ф. 69. Оп. 1. Д. 269. Л. 171–175. Кравченко П. А. – секретарь партийного комитета университета. Был арестован след за Нефоросным. Судьба его неизвестна.

Вадим Горский был арестован 21 сентября 1937 г. и расстрелян 8 ноября 1937 г. как участник контрреволюционной троцкистской вредительской организации.

Алексей Нефоросный был арестован 20 июля 1937 г. и расстрелян 6 декабря 1937 г. как активный участник контрреволюционной националистической организации, член антисоветской организации правых и т. п.

Нарком Владимир Затонский был расстрелян в декабре 1937 г.

При знакомстве с личным делом Шубникова и Горского из архива КГБ сразу же возникает мысль, что оно зиждется на материалах приведенной выше докладной партийной записки. Эту мысль подтверждает и тот факт, что на обоих физиков было заведено одно общее дело. «Дело» Шубникова и Горского является яркой иллюстрацией того, что судьбы людей в то время решались партийной властью, а в НКВД они только оформлялись и «подводились под требуемую статью».